

ПЕНТАГРАММА СЛЁЗ

ОЛЬГА ЕФИМОВА

18+

Ольга Ефимова

Пентаграмма слёз

«Автор»

2026

Ефимова О.

Пентаграмма слёз / О. Ефимова — «Автор», 2026

Четыре минуты клинической смерти изменили всё. Психолог МВД Виктор Невельский вернулся к жизни, но принёс с собой способность, которую невозможно объяснить наукой. Прикоснувшись к мёртвому телу, он видит последние мгновения жизни человека — его страх, его боль, его последнюю надежду. Но каждый такой контакт стирает из его памяти собственные воспоминания, превращая его в человека без прошлого. Когда в городе находят несколько женщин, умерших без следов насилия, с одинаковым выражением блаженства на лицах, Виктор понимает: это не просто смерти. Это ритуал. На телах жертв остаётся загадочная метка — круг с точкой внутри. След приводит его к собственному бывшему ученику, одержимому идеей воскресить умершую возлюбленную через души других женщин. Но это только начало. За учеником стоит тот, кто управляет всем из тени. Тот, кто знает о даре Виктора больше, чем он сам. Тот, кто ждал его возвращения.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четыре минуты между мирами	5
Глава 2. Стекланный блеск	12
Глава 3. Запах гари на губах	20
Глава 4. Скамейка, помнящая тепло	25
Глава 5. Имя, ускользающее сквозь пальцы	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ольга Ефимова

Пентаграмма слёз

Глава 1. Четыре минуты между мирами

Пробуждение

Тьма не была пустой. Она дышала, шевелилась, шептала на языке, который Виктор когда-то знал, но забыл. В этом сне не было образов, только ощущение бесконечного коридора, где каждая дверь заперта, а за каждой – чей-то сдавленный крик. Он бежал, но пол уходил из-под ног, превращаясь в зыбучий песок, который затягивал его по щиколотки, по колени, по грудь. Он хотел закричать, но вместо голоса из горла вырвался только сухой хрип – тот самый, который он издал год назад, когда врачи втыкали ему в грудь иглу адреналина.

Виктор Невельский распахнул глаза.

Потолок его спальни был белым, с едва заметной трещиной, которая тянулась от люстры к углу, как извилистый ручей на старой карте. Серая московская хмарь сочилась сквозь жалюзи, рисуя на обоях полосы, похожие на тюремную решётку. Он моргнул раз, другой, пытаясь стряхнуть остатки сна, но липкий страх всё ещё пульсировал под рёбрами, как второй, чужой, пульс.

Он приподнялся на локтях и посмотрел на свою левую руку.

На запястье, чуть выше часового ремешка, алела свежая царапина. Тонкая, ровная, будто проведённая кончиком скальпеля. Кровь уже запеклась, но вокруг неё кожа слегка припухла, и при нажатии отдавала тупой болью. Виктор провёл по царапине большим пальцем – она была настоящей, не сном. Он не помнил, чтобы ударялся или цеплялся за что-то. Вчера вечером этой царапины не было. Он проверил – он всегда проверял перед сном, потому что за последние полгода подобные отметины появлялись на его теле с завидной регулярностью. Мелкие синяки, царапины, иногда – странные отпечатки, похожие на следы пальцев, но слишком маленькие, будто от ребёнка.

Он сел на кровати, спустил ноги на пол. Паркет был холодным, и это ощущение – ледяное прикосновение к ступням – вернуло его в реальность окончательно. В комнате пахло пылью и старой бумагой – запах, который преследовал его повсюду, потому что он редко проветривал. За окном, где-то внизу, заурчал мусоровоз, и этот звук, такой обыденный и грубый, показался ему почти спасительным – он разорвал тишину, которая могла снова утянуть его в тот коридор.

Виктор встал и, пошатываясь, пошёл в ванную. Свет включался с противным треском, лампочка на потолке мигнула дважды, прежде чем загорелась ровным, безжизненным светом. Он остановился перед зеркалом и уставился на своё отражение. Лицо, которое смотрело на него, было лицом сорокалетнего мужчины, но глаза – они принадлежали кому-то гораздо старше. Глубокие тени под ними, словно выжженные пеплом, сетка мелких морщин у внешних уголков, и белки, испещрённые тонкими красными прожилками – плата за бессонницу, которая стала его постоянной спутницей после возвращения из клинической смерти.

Он провёл ладонью по небритой щеке – щетина колола пальцы, напоминая, что он уже три дня не брился. Волосы торчали в стороны, как у человека, который проспал в поезде на верхней полке. Он взял расчёску, но так и не провёл ею по голове – замер, глядя на своё отражение, и вдруг понял, что не может вспомнить, снилось ли ему что-то хорошее. Вообще за последний месяц он не помнил ни одного счастливого сна. Только коридоры, двери, шепот и этот проклятый холод.

– Ты выглядишь как мертвец, – сказал он зеркалу. Голос звучал хрипло, с металлической ноткой – следствие того самого укола, который повредил ему связи.

Он включил холодную воду и плеснул себе в лицо. Вода обожгла кожу, и это было хорошо – это значило, что он ещё жив, что его рецепторы работают. Он вытерся полотенцем, которое висело на крючке, и вдруг заметил, что полотенце тоже чужое. Ольга купила их прошлой осенью, светло-голубые, с вышитыми инициалами «В» и «О». Но сейчас он не мог вспомнить, когда именно они это сделали – поход в магазин, выбор, её улыбка, когда она держала в руках это полотенце. В голове была пустота, как после долгого чтения, когда текст уже не помнишь, а только чувствуешь усталость от него.

Он бросил полотенце на стиральную машину и вернулся в спальню. На тумбочке лежал его мобильный телефон – старый, потёртый «Самсунг», который он принципиально не менял, потому что ненавидел учиться обращаться с новыми моделями. Он взял его, провёл пальцем по экрану. На дисплее высветилось уведомление – будильник, установленный на семь утра, но он его не слышал. Он посмотрел на время – 7:12. Значит, он проспал двенадцать минут, а будильник либо сработал и умолк, либо его разум попросту отфильтровал этот звук, как фильтрует шум за окном, когда привыкаешь к нему.

Он отложил телефон и начал одеваться. Брюки, рубашка, пиджак – всё это он делал на автомате, десятилетиями отработанная последовательность. Но когда он застёгивал пуговицы на рубашке, его пальцы вдруг дрогнули, и он понял, что не может вспомнить, как зовут его соседа напротив. Тот мужчина, который живёт в квартире 45 уже пять лет, каждый день выносит мусор ровно в семь двадцать и всегда здоровается. Виктор знал, что его фамилия – Сазонов? Семёнов? Смирнов? Он сжал кулаки и зажмурился, заставляя мозг выдать ответ. Ничего. Только белый шум.

– Чёрт, – выдохнул он и прислонился лбом к холодной стене.

Это началось три месяца назад. Сначала мелкие детали – забытый пароль от электронной почты, вылетевшее из головы название фильма, который он смотрел неделю назад. Потом стало хуже – он начал забывать лица коллег, с которыми работал десять лет. А теперь – вещи, которые составляли его повседневность. Он завёл дневник, толстую тетрадь в тёмной обложке, куда записывал всё, что мог вспомнить о себе: мать зовут Елена, отец умер в 2005 году, родился он в Ленинграде, потом переехал в Москву. Но строчки расплывались, даты путались, и с каждым днём ему всё труднее было верить, что он тот самый Виктор Невельский, который когда-то раскрыл дело о серийном убийце в Подмосковье.

Он выпрямился, глубоко вздохнул и застегнул рубашку до конца, чувствуя, как ткань сдавливает грудь. Он не мог позволить себе рассыпаться на части. Он был штатным психологом МВД, единственной надеждой для тех, кого бросали на амбразуру оперативной работы. Если он признает, что его память тает, его уволят, спишут, запрут в какой-нибудь клинике с табличкой «посттравматический синдром». А он не мог этого допустить, потому что – он чувствовал, он знал – причина его провалов была не в травме, а в том, что он увидел по ту сторону остановки сердца.

Он вышел на кухню. Квартира была небольшой – двухкомнатная «хрущёвка», которую они с Ольгой купили в ипотеку пятнадцать лет назад, когда их дочери ещё не было на свете. На кухне пахло кофе – Ольга уже встала и сварила его, потому что она всегда вставала раньше, даже в выходные. Она сидела за столом, в халате, с книгой в руках – какая-то современная женская проза, он не запоминал названий, потому что не мог в них сосредоточиться.

Она подняла на него взгляд. Ольга была на пять лет младше его – ей было тридцать пять, но выглядела она на все сорок из-за постоянной усталости, которая, казалось, поселилась в её глазах навсегда. Русые волосы были собраны в небрежный пучок, на лице – утренняя бледность и тонкая сетка морщин вокруг губ. Она посмотрела на него с той смесью любви и отчаяния, которая появлялась у неё каждый раз, когда он выходил из спальни.

– Ты опять не спал? – спросила она, хотя ответ был очевиден.

– Спал, – сказал он, садясь за стол. – Немного.

– Ты разговаривал во сне, – она закрыла книгу. – Что-то о дверях. Ты повторял: «За ними никого нет».

Виктор взял чашку, которую она подвинула к нему, и сделал глоток. Кофе был горьким, без сахара – он пил таким уже лет двадцать. Но сегодня вкус казался притуплённым, как будто у него на языке осела серая плёнка, отделяющая его от мира.

– Я не помню, – сказал он. – Извини.

Ольга вздохнула и опустила глаза. Между ними повисла пауза – не та, удобная и тёплая, которая возникает у долгоживущих пар, а другая, колючая, как перекасти-поле, которое вот-вот тронется с места и укатится куда-то в пустоту.

– Ты помнишь, что мы делали в прошлую субботу? – спросила она тихо.

Виктор замер. Он знал, что сейчас наступит момент провала. Он прокрутил в голове последнюю неделю – работа, морг, бумаги, ночные кошмары. Образы, но не даты. Вчера, позавчера, понедельник – они смешались в одну серую массу.

– Мы ходили в то кафе на Арбате? – неуверенно предположил он.

Ольга горько усмехнулась.

– Мы сидели дома, Витя. Ты заполнял свои бумажки, я смотрела сериал. Ты даже не поднял голову, когда я принесла тебе чай.

Он ощутил, как в груди что-то сжалось: это чувство вины, которое он привык заглушать, вновь давало о себе знать всякий раз, когда Ольга смотрела на него с обидой и надеждой — будто он должен был вернуться к прежнему Виктору, помнившему дни рождения и умевшему улыбаться. – Оля, прости, я...

– Не надо, – она подняла ладонь, останавливая его. – Я понимаю, ты пережил клиническую смерть. Я знаю, что это... меняет человека. Но ты меняешься не в ту сторону, Витя. Ты превращаешься в тень. Ты не помнишь, как я люблю чай, ты забываешь наши песни, ты...

Она не договорила. Она опустила голову, и он увидел, что её плечи дрожат. Он хотел встать, подойти, обнять её, но его тело не слушалось – оно было скованно этим ледяным холодом, который иногда накатывал на него, как волна, и говорил: «Ты уже не здесь, ты уже не человек».

– Я постараюсь, – сказал он, и слова прозвучали пусто, как монета, брошенная в колодец.

– Да, – выдохнула она. – Ты всегда так говоришь.

Она встала из-за стола, подошла к мойке и повернула кран, чтобы помыть свою чашку. Шум воды заполнил кухню, и Виктор остался сидеть, уставившись в чёрную гладь своего остывающего кофе. Он заметил, что на ободке чашки остался след от губной помады – её, Ольгиной, вишнёво-розовой, которую она всегда использовала, потому что он сказал ей когда-то, что этот цвет идёт ей. Он помнил этот комментарий. Он помнил, как она тогда рассмеялась и поцеловала его в щёку. Но когда это было? Год назад? Два? Он не мог вспомнить.

Он отодвинул чашку и встал, чувствуя, что если останется здесь ещё на минуту, его накроет паника. Он прошёл в прихожую, надел пальто – старое, кашемировое, с вытертыми локтями – и взял портфель. Ольга вышла из кухни, вытирая руки о полотенце, и остановилась в дверях.

– Витя, – позвала она.

Он обернулся.

– Ты помнишь, как зовут нашу дочь? – спросила она, и в её голосе была не злость, а ужас, как у человека, который боится услышать ответ.

Виктор открыл рот. Имя крутилось на языке – оно было там, он знал, что оно начинается на «А», он чувствовал его тепло, но буквы не складывались. Он видел вчера её фотографию – там, в кабинете, на столе, в рамке под стеклом. Но сейчас, в эту секунду, он не мог произнести ни звука.

Он закрыл глаза, сосредоточился и вспомнил запись в дневнике, которую он сделал месяц назад: «Аня. Моя дочь. Погибла в ДТП, 2016 год». Он открыл глаза и с трудом выдохнул:

– Аня.

Ольга побледнела. Она сделала шаг назад, оперлась рукой о косяк, и из её глаз покатались слёзы.

– Ты остановился, – сказала она. – Ты колебался. Раньше ты произносил это имя как свое дыхание. А теперь – колебался.

– Оля, у меня просто... – он попытался оправдаться, но она прервала его:

– Иди на работу, Витя. Я позвоню тебе позже.

Она развернулась и ушла в спальню, закрыв за собой дверь – щелчок замка прозвучал как приговор. Виктор постоял несколько секунд, глядя на закрытую дверь, и вдруг понял, что не помнит, какая у неё любимая песня. Он вышел из квартиры, осторожно притворив за собой входную дверь, и спустился по лестнице на улицу.

Москва встречала его привычным утренним хаосом. Сезон был осенний – середина октября, когда небо становится свинцовым, а воздух пахнет мокрыми листьями и бензином. Виктор стоял на автобусной остановке, засунув руки в карманы пальто, и смотрел, как серые фигуры спешат по своим делам, оставляя за собой шлейфы пара изо рта. Он всегда находил странное утешение в этой анонимности – никто не знал, что он может прикоснуться к человеку и увидеть его смерть. Но сегодня это утешение не работало. Голова была ватной, а перед глазами всё плыло, как будто он смотрел сквозь мутное стекло.

Автобус пришёл через пять минут, и он втиснулся в салон, заняв место у окна. Рядом с ним села женщина с ребёнком – девочка лет пяти, с косичками и красным рюкзаком. Виктор мельком взглянул на неё и почувствовал, как его сознание начинает скользить – он знал, что если сфокусируется, если позволит себе прикоснуться к этой девочке, он увидит её будущее, и оно может быть не радужным. Он отвернулся к окну, закрыл глаза и начал считать про себя: «Раз, два, три...» – методика, которую он сам разработал для экстренного блокирования дара.

Он не знал, как назвать то, что с ним случилось после остановки сердца. «Дар» – слишком пафосно. «Проклятие» – слишком театрально. Он называл это «сдвигом». Просто сдвиг в восприятии, который открыл ему канал, ведущий прямо в последние секунды любого человека. Всё началось через месяц после выписки из больницы. Он тогда вернулся на работу, проводил консультацию с молодым следователем, который потерял напарника. Виктор хотел просто утешить парня – положил руку ему на плечо, и в ту же секунду мир развернулся на сто восемьдесят градусов. Он увидел, как тот парень, напарник, умирает в машине, но не от пули, а от разрыва аорты – просто сел за руль, и через час его не стало. Он тогда подумал, что это галлюцинация, но когда через неделю патологоанатом подтвердил, что смерть наступила именно от разрыва аорты, он понял: это реально.

С тех пор он научился контролировать «сдвиг», но это было похоже на удержание двери, за которой стоит ураган. Иногда она открывалась сама – особенно когда он касался мёртвых тел. Тогда видения были яркими, как вспышки магния, и они всегда были правдивыми. Он не проверял их – он знал, что они истинны, потому что в них не было вымысла. Только факты. Чистые, голые, как обнажённый провод, который в любой момент может ударить током.

Но цена была высока – его собственная память растворялась, как сахар в горячей воде. Каждый раз, когда он использовал дар, он терял часть себя. И сегодня, глядя на запотевшее окно автобуса, он понял, что плата стала почти непосильной.

МВД, кабинет (8:45)

Кабинет Виктора находился на втором этаже старого здания на Петровке, 38. Серые стены, казённая мебель, портрет президента на стене, и единственное живое пятно – фотография дочери на столе. Он зашёл, повесил пальто на вешалку, сел в кресло и положил руки на стол. Пальцы дрожали – не от холода, от нервного перенапряжения. Он открыл верхний ящик

стола, достал флакон с успокоительными и проглотил одну таблетку, запивая водой из пластикового стаканчика. С трудом, но таблетка прошла, и через несколько минут сердцебиение выровнялось.

Он раскрыл свой дневник – тот самый, который вёл дома, но перенёс сюда копии. На первой странице было написано крупным, чётким почерком: «Я – Виктор Невельский. Мне 40 лет. Я психолог. У меня была дочь Аня (погибла в 2016). Жена Ольга. Я пережил клиническую смерть – 4 минуты. После этого я вижу предсмертные ощущения людей при прикосновении. Это не галлюцинации. Это реальность. Память утекает. Я записываю всё, чтобы не забыть себя».

Он перечитал эту запись, и на душе стало немного спокойнее. Он закрыл тетрадь и убрал её в ящик.

Ровно в девять раздался стук в дверь. Вошёл секретарь – молодой парень в форме, капитан, с лицом, которое было слишком бледным для человека его возраста.

– Виктор Александрович, к вам посетитель. Стажёр, рядовой Сидоров. Его направили на обязательную консультацию после... э... происшествия.

– Пусть входит, – сказал Виктор.

В кабинет зашёл парень лет двадцати двух, тонкий, как тростинка, с большими карими глазами и коротким ёжиком волос. Он был в форме, но форма болталась на нём, как на вешалке. Виктор заметил, что у парня дрожат руки.

– Садитесь, рядовой, – сказал Виктор, указывая на стул напротив.

Парень сел, сцепил пальцы в замок, чтобы скрыть дрожь, и уставился в пол.

– Расскажите, что случилось, – мягко начал Виктор. – Ничего, что вы не в звании, – мы здесь не по уставу, а по душам.

Парень поднял глаза. В них была такая смесь страха и надежды, что у Виктора кольнуло под ложечкой – он знал этот взгляд. Так смотрят люди, которые видели смерть вблизи и теперь не знают, как с этим жить.

– Меня зовут Артём, – начал он, сглотнув. – Я на стажировке в отделе по раскрытию тяжких. Три дня назад мы выезжали на место преступления... в подвал старого дома. Там нашли тело женщины. Она была... она была мёртвой уже несколько дней. Я помогал поднимать носилки, и вдруг она... она, это тело, шевельнулось. Я знаю, что это трупный спазм, я читал, но в тот момент я испугался так, что упал на колени и меня вырвало. Теперь я не могу заходить в подвалы. Меня трясёт, когда я вижу тёмные помещения. Меня сняли с дежурства и сказали – иди к психологу.

Виктор кивнул, слушая парня. Он сам видел сотни трупов за свою карьеру и знал, что такой страх – нормальная реакция. Но этот парень был слишком молод, слишком неокрепший. Ему нужна была не столько терапия, сколько просто человеческое участие.

– Артём, – сказал Виктор, – вы боитесь не смерти. Вы боитесь собственной уязвимости. Вы думали, что вы сильный, а тело вас подвело. Но это не слабость, это инстинкт. Ваш мозг просто включил защиту.

Он подвинулся к столу, оперся локтями о поверхность и немного подался вперёд, чтобы быть ближе к парню. Это был его метод – сократить дистанцию, сделать разговор более интимным.

– Что вы чувствовали, когда спускались в тот подвал? – спросил он.

Артём задумался, теребя край рукава.

– Я... я не хотел идти. Мне казалось, что там темно, и что из темноты на меня кто-то смотрит. Это глупо, да?

– Ничего не глупо. Темнота – это метафора неизвестности. Ваш мозг боится того, что он не контролирует. А смерть – это абсолютная неизвестность. Вы столкнулись с ней лицом к лицу, и это нормально, что вам страшно.

Виктор говорил ровным, спокойным голосом, и по мере того, как он говорил, парень начинал расслабляться – плечи опускались, дыхание выравнивалось. Виктор чувствовал, что его профессиональные навыки работают, что он помогает. И в какой-то момент, когда Артём поднял на него благодарный взгляд и протянул руку для рукопожатия, Виктор машинально сжал его ладонь.

Мир взорвался.

Видение пришло мгновенно – без предупреждения, без защиты. Он увидел Артёма, но не в кабинете, а на улице, ночью, в переулке. Парень в той же форме, но с пистолетом в руке. Напротив него стояли двое – тени, лица которых нельзя было разглядеть. Раздался выстрел. Артём упал, и на его груди расплылось тёмное пятно. Виктор услышал его последний вздох – короткий, с хрипом, и почувствовал холод, который всегда сопровождал чужие смерти. Этот холод пронзил его насквозь, и он отшатнулся, выдернув руку из ладони парня.

– Извините, – выдавил он, чувствуя, как его начинает тошнить. – У меня... давление.

Артём удивлённо смотрел на него.

– Всё в порядке, Виктор Александрович? Вы побледнели.

– Всё хорошо, – Виктор сделал глубокий вдох и выдохнул. – Просто голова закружилась.

Продолжим.

Он уже знал, что этот парень умрёт через шесть месяцев, и что он ничего не сможет сделать, чтобы это предотвратить. Он чувствовал это видение как абсолютную истину, которая была записана где-то в ткани вселенной. И это знание обжигало его изнутри, потому что он, психолог, человек, который должен спасать души, не мог спасти этого мальчика.

Но он не мог рассказать ему об этом. Он продолжил сеанс, задавая вопросы о детстве, о семье, о том, что Артём хочет делать в жизни. Говорил он на автомате, его голос звучал ровно, но внутри него бушевал шторм. Через сорок минут парень ушёл, поблагодарив и улыбнувшись – впервые за весь разговор. А Виктор остался в кабинете один, уставившись в стену, и понял, что на запястье, там, где он держал руку Артёма, остался едва заметный красный след, будто от ожога. Он посмотрел на него и тихо сказал:

– Прости, что не смогу спасти тебя. Я даже не запомню, как тебя зовут через неделю.

Тишина в кабинете стала тягучей, как патока. Виктор сидел неподвижно, чувствуя, как под веками пульсирует тупая боль. Каждый раз, когда он касался чужой смерти, его собственная жизнь становилась чуть более расплывчатой, словно кто-то стирал ластиком детали с его внутреннего портрета. Он снова посмотрел на свои руки – они всё ещё дрожали мелкой, едва заметной дрожью. Он сжал их в кулаки, пытаясь унять эту дрожь, но пальцы не слушались.

Он перевёл взгляд на телефон, лежащий на столе. Чёрный, потёртый корпус, старый дисплей, на котором не было ни одного уведомления. В последние дни он всё чаще ловил себя на мысли, что хочет позвонить Белову – спросить, есть ли новые странные смерти, те, которые не вписываются в обычную картину. Внутренний голос, тот самый, который он научился игнорировать, подсказывал ему, что такие смерти уже были. В старых делах он встречал упоминания о подобных случаях: женщин обнаруживали в их квартирах — лица у них были расслаблены, словно во сне, при этом на телах не нашли ни следов насилия, ни явных мотивов. Тогда он списал это на совпадения. Но после сегодняшнего утра, после видения смерти Артёма, совпадения перестали быть случайными.

Он потянулся к телефону, но в тот же момент аппарат завибрировал – короткий, резкий сигнал, и на экране высветилось имя: **Игорь Белов**.

– Виктор, ты сейчас? – голос в трубке был резким, прокуренным. Майор Игорь Белов всегда говорил так, будто ему не хватало времени, хотя на самом деле он просто не умел тратить слова на любезности. Они работали вместе уже лет десять, и Виктор научился читать настроение Белова по первым же нотам его голоса. Сейчас он звучал встревоженно – не как обычно, когда он просто звонил с очередным вопросом по психологическому портрету преступника.

Сегодня в его голосе была сталь, которая появлялась только тогда, когда случалось что-то по-настоящему плохое.

– Я на месте, – ответил Виктор, стараясь, чтобы голос звучал бодрее, чем он себя чувствовал. – Что случилось?

– У нас труп. Женщина, примерно тридцать лет. Найдена в собственной квартире, никаких следов взлома, насилия, следов борьбы. Врачи разводят руками – говорят, остановка сердца, но она была полностью здорова, без патологий. Соседи говорят, она вчера выглядела прекрасно, улыбалась. А сегодня утром она мёртва, и лицо у неё – ты не поверишь – как у младенца, который сладко спит. Это не суицид, Виктор. Здесь что-то другое.

Виктор замер. По спине пробежал холодок, который не имел ничего общего с температурой в кабинете. Он вспомнил свои собственные видения – те, что приходили к нему спонтанно и всегда касались смерти. Он вспомнил холод предательства, стеклянный блеск чужих глаз, запах гари. Но это были видения, а здесь было реальное тело, реальная женщина, которую он мог бы коснуться и увидеть всё своими глазами.

– Я могу приехать? – спросил он, хотя уже знал ответ.

– Затем и звоню, – сказал Белов. – Ты же у нас психолог, может, увидишь что-то, что врачи упускают. Приезжай в морг на Варшавском шоссе. Я буду через час.

– Буду, – ответил Виктор и нажал отбой.

Он посмотрел на свои руки, которые снова дрожали. Он знал, что этот вызов – не случайность. Он знал, что если он коснётся этой женщины, он увидит её смерть, и это видение будет стоять ему ещё кусок его памяти. Но он не мог отказаться. Он не мог позволить убийце – если это был убийца – остаться безнаказанным. Это была его работа, его призвание, и, возможно, его проклятие.

Он встал, надел пальто, взял портфель и вышел из кабинета. Перед тем как закрыть дверь, он остановился и взглянул на фотографию дочери на столе. Лицо девочки с косичками, веснушками и широкой улыбкой смотрело на него, и на секунду ему показалось, что она шепчет: «Папа, ты сможешь». Но он не слышал слов, он только чувствовал пульсирующую боль в груди, которая говорила ему: «Ты теряешь себя, и ты ничего не можешь с этим сделать».

Он вышел на улицу, где серое небо уже начало накрапывать мелким дождём. Капли стучали по асфальту, сливаясь в однотонный шум, и Виктор поднял воротник пальто, защищаясь от ветра. Он знал, что через несколько минут он будет стоять над трупом незнакомой женщины, и он снова прикоснётся к границе, отделяющей жизнь от смерти, и заглянет за неё. И он надеялся только на то, что цена за этот взгляд будет не слишком высока – хотя он уже знал, что каждый раз она становится выше.

– Четыре минуты, – прошептал он, глядя на свои часы. – Всего четыре минуты между мирами. И я всё ещё не вернулся.

Он сел в такси, назвал адрес морга, и машина растворилась в утреннем потоке машин, унося его на встречу с первой жертвой «Коллекционера» – хотя он тогда ещё не знал этого имени.

Глава 2. Стекло́нный блеск

Дождь усилился, превратившись из мелкой мороси в упругие, косые струи, которые хлестали по стеклам такси с такой силой, что дворники едва справлялись. Виктор сидел на заднем сиденье, прижав портфель к груди, и смотрел на расплывающийся за окном город. Москва в такую погоду становилась похожа на акварельный рисунок, который кто-то нечаянно залил водой – очертания домов теряли резкость, огни светофоров плавали в мутной дымке, а люди превращались в серые тени, торопливо ныряющие в подземные переходы.

Он не помнил, как назвал адрес таксисту. Он вообще не помнил, как сел в машину – его тело действовало на автопилоте, пока сознание блуждало где-то между реальностью и тем холодным туманом, который всегда сгушался перед тем, как он должен был прикоснуться к мёртвому. Это было похоже на предчувствие бури – давящее, тягучее, когда воздух становится плотным, а каждый вдох требует усилий.

Таксист, пожилой мужчина с седыми усами и усталым взглядом, покосился на него в зеркало заднего вида.

– Вам плохо, молодой человек? – спросил он с лёгкой кавказской растяжкой. – Бледный вы очень. Может, к врачу, а не в морг?

– Я работаю там, – коротко ответил Виктор, хотя слово «работаю» прозвучало фальшиво. Он не работал в морге, он был психологом, но сейчас он ехал туда, чтобы прикоснуться к мёртвой женщине и увидеть её последние секунды. Это была не работа – это было проклятие.

– Ну, бывает, – таксист пожал плечами и отвернулся. – Мой брат тоже в морге работал. Говорил, привыкаешь. Я не привык бы. Мёртвые – они ведь не молчат. Они смотрят.

Виктор вздрогнул. Он знал, что это правда. Мёртвые смотрели, но не глазами – они смотрели своими последними мгновениями, застывшими в тканях, в клетках, в электрических импульсах, которые ещё теплились в их мозге несколько часов после остановки сердца. Он знал это, потому что сам был там – четыре минуты, четыре бесконечности, когда он смотрел на собственное тело сверху и видел врачей, склонившихся над ним, слышал их крики, чувствовал укол адреналина, а потом – холод, абсолютный и всепроникающий, который не был похож ни на что в мире живых.

Он сжал портфель так, что костяшки пальцев побелели. Он пытался унять дрожь, но она распространялась от позвоночника по всему телу, как электрический разряд, который он не мог контролировать.

– Остановите здесь, – сказал он, увидев серое здание морга в конце улицы. – Дальше я сам.

– Как скажете, – таксист припарковался у обочины. Виктор расплатился, не глядя на сдачу, и вышел под дождь. Капли тут же начали стекать по его лицу, смешиваясь с потом, который выступил на лбу. Он поднял воротник пальто, но это не помогло – холод проникал сквозь ткань, сквозь кожу, сквозь кости, добираясь до самого нутра.

Он прошёл через металлическую калитку, мимо старого тополя, который рос у входа, и остановился перед массивной дверью морга. Дверь была обита железом, выкрашена в грязно-зелёный цвет, и на ней висела табличка: «ГБУЗ Морг № 3. Вход только для персонала». Он толкнул дверь, и она открылась с протяжным скрипом, выпуская наружу запах формалина и ещё чего-то сладковатого, что всегда сопровождало смерть – запах, который невозможно описать словами, но который въедается в память навсегда.

Внутри было полутемно. Коридор освещали тусклые лампы дневного света, которые гудели и мерцали, создавая ощущение, что ты попал в другое измерение, где время течёт иначе. Пол был выложен кафелем – белым, с чёрными вкраплениями, и на нём уже виднелись следы от носилок – тонкие царапины, которые пересекались, как дороги на старой карте.

Виктор прошёл по коридору к регистратуре, где за стеклом сидела пожилая женщина в белом халате – она вязала, не поднимая головы.

– Я к майору Белову, – сказал Виктор. – Он здесь?

– В секционной, – ответила женщина, махнув спицей в сторону коридора. – Второй зал. Только вы не входите без бахил и халата – у нас правила.

Виктор кивнул и прошёл в раздевалку, где на вешалках висели одноразовые халаты и стояла коробка с бахилами. Он надел всё это поверх своей одежды, чувствуя, как бязевая ткань неприятно шуршит при каждом движении. Он вошёл в секционный зал – большое помещение с высокими потолками, посередине которого стоял металлический стол с телом, накрытым белой простыней. Вокруг стола толпились люди – двое в медицинских халатах, один в форме – Белов, и ещё двое, которых Виктор не узнал.

Белов обернулся, услышав шаги. Он был высоким, широкоплечим, с короткой стрижкой и грубыми чертами лица, которые делали его похожим на человека, который никогда не улыбается. Но сегодня он выглядел особенно напряжённым – на его лбу залегла глубокая складка, а глаза, обычно холодные и колючие, сейчас были расширены, как у человека, который пытается осмыслить нечто, выходящее за пределы его понимания.

– Виктор, – сказал он, кивая. – Спасибо, что приехал. Знакомься – это патологоанатом, доктор Сергеев. Он проводил вскрытие.

Патологоанатом – невысокий, лысоватый мужчина с очками в тонкой оправе – пожал плечами и развёл руками.

– Я уже час сижу над ней, – сказал он с лёгкой раздражённой ноткой. – Никаких следов. Сердце здоровое, сосуды чистые, никакой инфекции, ни алкоголя, ни наркотиков. Она просто... выключилась. Как телевизор, когда его выдёргивают из розетки.

– Она не могла просто выключиться, – возразил Белов. – У неё есть муж, двое детей, она работала в школе учительницей. У неё не было депрессии, она не принимала лекарств. Соседи говорят, что вчера она была счастлива, смеялась.

– Люди часто смеются перед смертью, – тихо сказал Виктор, делая шаг к столу. – Это не всегда признак здоровья.

Все повернулись к нему. Белов нахмурился, но ничего не сказал.

– Можно мне посмотреть на неё? – спросил Виктор.

– Да, конечно, – доктор Сергеев отступил от стола, освобождая место. – Только руки не трогайте – у нас уже всё исследовано.

Виктор подошёл к столу и остановился. Он протянул руку к простыне, но в последний момент замер, чувствуя, как сердце начинает биться чаще. Он знал, что сейчас произойдёт. Он знал, что как только его пальцы коснутся тела, он увидит то, что не должен видеть. И он уже знал, что это будет стоить ему ещё одной частички его памяти, ещё одного воспоминания, которое он не сможет вернуть.

Но он не мог отступить.

Он сдёрнул простыню одним резким движением.

Женщина лежала на столе, и её лицо было самым спокойным, какое Виктор когда-либо видел на мёртвых. Он видел сотни трупов за свою карьеру – разорванные взрывами, изуродованные пулями, разложившиеся после долгого лежания в воде, но эта женщина выглядела так, будто она просто спала. Её тёмные волосы были аккуратно уложены, веки сомкнуты, ресницы длинные, губы чуть приоткрыты, как будто она собиралась произнести что-то важное, но передумала. На щеках ещё сохранился слабый румянец – посмертный, но он придавал ей вид живой.

Виктор почувствовал, как комок подступает к горлу. Ей было лет тридцать, не больше. На её пальце блестело обручальное кольцо – простое, золотое, без камней. На левом запястье

– тонкий браслет, на котором болтался кулон в виде сердечка. Мелочи, которые делали её личностью, а не просто объектом вскрытия.

– Как её зовут? – спросил Виктор, не отрывая взгляда от её лица.

– Лидия, – ответил Белов. – Лидия Соколова. Тридцать один год. Живёт в соседнем районе, в «хрущёвке» на пятом этаже. Муж нашёл её сегодня утром. Он говорит, что проснулся и увидел, что она не дышит. Он вызвал скорую, но было уже поздно. Она была мёртвой, по меньшей мере, несколько часов.

– Он её не трогал? – спросил доктор Сергеев. – Не делал искусственное дыхание?

– Нет, он испугался. Сказал, что она выглядела так мирно, что он сначала подумал, что она просто крепко спит. Только когда он попытался её разбудить, он понял.

Виктор слушал их разговор краем уха, но его внимание было полностью приковано к телу. Он заметил то, чего не заметили другие – на шее женщины, чуть ниже уха, был едва заметный след. Не синяк, не царапина – просто лёгкое покраснение, похожее на то, что остаётся после того, как кто-то прикасается к коже горячими пальцами. Он наклонился ближе, пытаясь рассмотреть этот след, но он был настолько тусклым, что его можно было принять за тень или просто за естественную пигментацию.

– Доктор, вы видели это? – спросил Виктор, указывая на шею.

Сергеев подошёл, прищурился, посмотрел через очки и пожал плечами.

– Это может быть что угодно – аллергическая реакция, укус насекомого, просто раздражение. Если бы это был след удушья, я бы его увидел сразу. Здесь ничего нет.

Виктор не стал спорить. Он знал, что патологоанатомы смотрят на тела с медицинской точки зрения – ткани, органы, следы насилия. Но он видел нечто другое. Он видел энергию, которая оставалась в теле, как застывшая волна, как отпечаток последнего мгновения. И этот след на шее – он был не физическим. Он был эмоциональным. Кто-то прикасался к ней в её последние секунды, и это прикосновение оставило свой отпечаток.

– Можно мне поддержать её за руку? – спросил Виктор, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Белов удивлённо поднял бровь.

– Зачем?

– Я хочу проверить одну гипотезу, – сказал Виктор, уже заранее придумывая оправдание. – Иногда трупное окоченение или температура кожи могут рассказать о времени смерти больше, чем приборы. Я просто... хочу почувствовать.

Доктор Сергеев скептически усмехнулся, но Белов кивнул.

– Делай. Только недолго – нам нужно оформлять документы.

Виктор протянул руку и взял мёртвую женщину за запястье. Её кожа была холодной, как камень, но не той мертвенной холодностью, которую он ожидал – она была липкой, странно мягкой, как будто под ней всё ещё сохранялась какая-то жизнь. Он сжал пальцы на её запястье, закрыл глаза и позволил своему сознанию провалиться в ту бездну, которая ждала его за гранью реальности.

В тот же миг мир перевернулся.

Он перестал чувствовать своё тело. Пол исчез, стены морга растворились в сером тумане, и он оказался в другом пространстве – в пространстве, где не было ни света, ни тьмы, только ощущение. Холод. Не тот, который шёл от мёртвого тела, – этот холод был другим. Он был живым, он дышал, он проникал в каждую клетку Виктора, как ядовитый газ, и он пах... он пах предательством.

Это было странное ощущение – запах, который не имел физической природы, но который он чувствовал ноздрями, кожей, каждой частицей своего существа. Запах гари – не от огня, а от того, что что-то внутри него сгорало, плавилось, превращалось в пепел. Он попытался открыть глаза, но веки были тяжёлыми, как свинцовые пластины.

И тогда он увидел.

Он стоял – нет, он парил – над женщиной, которая лежала на кровати. Она была жива, она смотрела вверх, и в её глазах отражался свет – не электрический, а другой, тёплый, золотистый, как от свечи. Её губы шевелились, и он услышал её голос – тихий, почти шёпот, но чёткий:

– Я знаю, что ты делаешь. Я хочу этого. Спасибо тебе.

Она улыбнулась. Её глаза наполнились слезами, но это были слёзы счастья, а не боли. Она смотрела вверх, на того, кто возвышался над ней, — Виктор не видел его, но чувал, как над кроватью сгущается тень его незримого присутствия.

И тогда он увидел отражение – в стеклянной поверхности зеркала, которое висело на стене.

Мужчина. Молодой, с правильными чертами лица, со спокойными глазами, но в них была бездна, в которой тонуло всё – и свет, и тепло, и сама жизнь. Он смотрел на женщину с выражением, которое нельзя было назвать ни любовью, ни ненавистью. Это было что-то иное – созерцание, как у художника, который заканчивает свой шедевр. Он склонился над ней и поцеловал её в лоб, и когда его губы коснулись её кожи, она закрыла глаза и испустила последний вздох – тихий, почти бесшумный, но такой наполненный, что Виктор почувствовал, как его собственное сердце замирает на секунду.

А затем он увидел его глаза – мокрые от слёз. Мужчина плакал. Он стоял над её телом, и слёзы текли по его щекам, падая на её лицо, смешиваясь с потом и кровью, которая ещё не выступила, но уже чувствовалась в воздухе. Он шептал что-то – Виктор не разобрал слов, но он чувствовал их смысл – прощание, благодарность, и бесконечная, бездонная печаль.

Видение резко оборвалось.

Виктор отдёргнул руку так резко, что чуть не упал. Он пошатнулся, схватился за край стола, и его вырвало – прямо на кафельный пол, прямо у ног патологоанатома. Тошнота подступила внезапно, как удар в солнечное сплетение, и он не мог остановить её, он сгибался, хватая ртом воздух, чувствуя, как желчь обжигает горло, и как холодное, липкое чувство предательства всё ещё пульсирует в его костях.

– Господи, Виктор! – Белов рванул к нему, схватил за плечи, удерживая на ногах. – Ты чего? Тебе плохо?

– Я... – Виктор вытер рот тыльной стороной ладони и попытался выпрямиться. Его голова кружилась, и в ушах звенело, как после взрыва. – Извините. Я... я просто плохо переношу формалин.

Белов не поверил. Он видел Виктора в моргах десятки раз, и никогда, ни разу он не реагировал так на запах. Но он не стал задавать вопросов при посторонних. Он помог Виктору отойти от стола, усадил на стул у стены и сунул ему в руки стакан с водой.

– Пей, – сказал он. – Медленно.

Виктор сделал глоток, потом ещё один. Вода была тёплой, с металлическим привкусом, но она помогла успокоить горло. Он закрыл глаза и попытался восстановить дыхание – вдох, выдох, вдох. Видение всё ещё стояло перед его глазами – тот мужчина, его глаза, полные слёз, его спокойное лицо, его поцелуй. Это не было убийством в обычном смысле. Это было что-то другое – ритуал, акт, который женщина приняла добровольно. Но кто этот человек? Почему он плакал? И почему Виктор почувствовал его слёзы как свои собственные?

– Я в порядке, – сказал он, открывая глаза. – Просто переутомился.

Доктор Сергеев стоял в стороне, глядя на Виктора с подозрением. Он явно не привык к тому, чтобы психологи падали в обморок при виде трупов.

– Может, ему лучше уйти? – предложил Сергеев. – У меня ещё есть работа.

– Нет, – резко сказал Виктор. – Я хочу ещё раз взглянуть на тело.

– Зачем? – Белов нахмурился. – Ты уже всё увидел.

– Нет, – Виктор покачал головой. – Я увидел не всё. Я увидел её лицо, но я не увидел её руки, её спину, её... – он запнулся, понимая, что говорит слишком странно. – Я просто хочу убедиться, что нет каких-то скрытых травм.

Белов пристально посмотрел на него. В его взгляде была смесь недоверия и беспокойства.

– Ты что-то знаешь, Виктор. Я вижу. Ты не просто так приехал, ты не просто так упал в обморок. Скажи мне.

Виктор хотел сказать правду. Он хотел рассказать Белову о своём даре, о том, что он видит смерти, о том, что эта женщина умерла не от болезни, а от прикосновения чужого человека, который был рядом, который плакал над ней, который... но он не мог. Если он расскажет, Белов сочтёт его сумасшедшим, спишет на посттравматический синдром, отстранит от работы. И тогда он потеряет единственный способ использовать свой дар для того, чтобы раскрывать преступления.

– Я просто хочу помочь, – сказал он тихо. – Дай мне ещё минуту.

Белов колебался. Он посмотрел на Сергеева, потом на Виктора, потом снова на тело на столе. Он пожал плечами:

– Делай что хочешь. Только не трогай внутренние органы.

Виктор поднялся со стула, чувствуя, как ноги ещё дрожат, но он заставил себя идти ровно. Он подошёл к столу и снова взглянул на лицо женщины. Она была такая же спокойная, как и минуту назад, но теперь Виктор знал то, чего не знали другие – она ушла с улыбкой, с благодарностью, с чувством, что её последний миг был подарком. Это знание делало её смерть ещё более жуткой, потому что она не была жертвой в классическом смысле – она была участницей.

Он перевернул её ладонь вверх и осмотрел. На её правой руке, на внутренней стороне запястья, была крошечная метка – кружок с точкой внутри. Он увидел его только потому, что знал, где искать – в видении он заметил, как мужчина взял её за руку и что-то нарисовал на её коже. Метка была почти невидимой – она могла быть чернилами, татуировкой, просто родимым пятном. Но Виктор знал, что это не случайность.

– Что это? – спросил он, показывая метку Белову.

Белов подошёл, посмотрел и пожал плечами.

– Родинка. Или татушка. У многих есть.

– Она появилась недавно, – сказал Виктор. – Её не было на вскрытии, потому что вы не смотрели на ладони.

Сергеев подошёл и взглянул.

– Действительно, я не обратил внимания. Но это может быть и остатком чернил от ручки. Или просто кожным заболеванием. В любом случае, это не является причиной смерти.

Виктор промолчал. Он знал, что это – метка, символ, знак «Коллекционера». Он не знал, кто такой Коллекционер, но он чувствовал, что это имя – ключ ко всему.

– Мне нужно изучить её личные вещи, – сказал он Белову, отходя от стола. – Её дневник, телефон, всё, что она писала. Это поможет мне составить психологический портрет убийцы.

– Убийцы? – Белов поднял брови. – Ты считаешь, что её убили?

– Да, – твёрдо сказал Виктор. – Её убили. Только не физически – её... унесли. Кто-то был с ней, когда она умерла. Кто-то, кто хотел этого.

Сергеев рассмеялся:

– Это уж слишком для психолога. Вы же не можете утверждать, что это убийство, если нет следов насилия.

Виктор повернулся к нему и посмотрел ему прямо в глаза.

– Доктор, – сказал он голосом, в котором дрожала сталь, – когда вы вскрываете тело, вы видите клетки, ткани, органы. Но вы не видите то, что вижу я – что эта женщина ушла не от болезни, а от того, что кто-то стоял над ней и плакал. И эти слёзы убили её быстрее, чем любой яд.

В комнате повисла тишина. Сергеев побледнел и отошёл на шаг. Белов уставился на Виктора, как на привидение.

– Ты... ты уверен? – спросил Белов хрипло.

– Я чувствую это, – сказал Виктор, закрывая глаза. – Я не могу доказать это, но я знаю, что это правда.

Он открыл глаза и посмотрел на Белова:

– Дай мне её вещи. Я найду того, кто это сделал.

После того как доктор Сергеев, бормоча себе под нос что-то о «странных психологах», удалился в свой кабинет, Белов закрыл дверь секционной и повернулся к Виктору.

Теперь они были одни – только он, Виктор, и мёртвая женщина, лежащая на столе под белой простынёй.

– Слушай, – начал Белов, садясь на стул и жестом приглашая Виктора сделать то же самое, – я знаю тебя много лет. Ты никогда не говорил ерунды. И если ты говоришь, что эта женщина была убита, я тебе верю. Но ты должен объяснить мне, откуда ты это знаешь.

Виктор сел напротив, положил руки на колени и посмотрел на Белова. Он видел в его глазах не просто недоверие – он видел страх. Белов боялся, что его друг и напарник сходит с ума.

– Я не могу сказать тебе всё, – ответил Виктор. – Это... это трудно объяснить. Но у меня есть способность, которую я приобрёл после моей клинической смерти. Когда я касаюсь мёртвого тела, я... я вижу его последние мгновения.

Белов замер. Его лицо окаменело, как будто он пытался переварить услышанное.

– Ты говоришь о психометрии? – спросил он скептически. – О сверхспособностях?

– Я не знаю, как это назвать, – сказал Виктор, разводя руками. – Я знаю только, что это работает. Я вижу – не образами, а ощущениями. Я чувствую то, что чувствовала жертва. Я вижу того, кто был рядом. И я знаю, что эта женщина умерла не своей смертью.

Белов встал, прошёлся по комнате, остановился у окна, из которого было видно серое, дождливое небо.

– Если это правда, – сказал он медленно, – почему ты не сказал мне раньше?

– Потому что это стоило мне памяти, – тихо ответил Виктор. – Каждый раз, когда я использую свой дар, я теряю часть своей собственной жизни. Я забываю лица, имена, события. Ты видел, что со мной происходит – я стал забывчивым, я путаю даты, я... – он запнулся, чувствуя, как комок подступает к горлу, – я начал забывать свою дочь.

Белов медленно повернулся к нему. В его глазах застыла боль.

– Ты теряешь память? – спросил он. – И ты продолжаешь это делать?

– Потому что если я не буду, – сказал Виктор, – эти женщины будут умирать, и никто не узнает, что их убивают. А я знаю – я чувствую – что таких смертей будет больше. Кто-то охотится на них. И я должен его остановить, даже если это стоит мне всего.

Белов долго смотрел на него, а затем медленно кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – Я тебе верю. Не потому, что я понимаю твои способности, а потому, что я знаю тебя. Но мы будем делать это аккуратно – без свидетелей, без лишних разговоров. Я дам тебе её вещи, и ты будешь работать над ними. А я прикрою тебя перед начальством.

– Спасибо, – выдохнул Виктор. Он чувствовал, как огромный груз свалился с его плеч – он не один, у него есть союзник, человек, которому он может доверять хотя бы частично.

– Но, – Белов поднял палец, – если я увижу, что ты теряешь контроль, что ты забываешь слишком много – я остановлю тебя. Даже если мне придётся привязать тебя к койке. Договорились?

Виктор улыбнулся – впервые за этот день.

– Договорились, Игорь.

Они вышли из морга вместе, в сопровождении мелкого дождя, который не прекращался ни на минуту. Виктор снял бахилы и халат, выбросил их в бак, и теперь шёл к машине Белова – старому «Форду» с потёртым кузовом, который стоял на парковке.

Он сел на переднее сиденье, чувствуя, как холодный воздух смешивается с теплом салона. Белов сел за руль, завёл двигатель, и машина тронулась, увозя их от серого здания морга.

– Куда? – спросил Белов.

– В её квартиру, – сказал Виктор. – Я хочу увидеть, где она жила. И мне нужен её дневник, если он есть.

– Хорошо. Я позвоню следователю, который ведёт дело, и скажу, что мы осматриваем место происшествия.

Виктор кивнул и отвернулся к окну. За стеклом проплывали дома, деревья, остановки, люди, которые жили своей обычной жизнью, не подозревая о том, что где-то рядом бродит человек, который забирает души, как коллекционер забирает картины. Он думал о том мужчине из видения – о его слёзах, о его поцелуе, о его глазах, в которых была бездна. Кто он? Почему он убивает? И почему он плачет?

Он закрыл глаза и позволил себе провалиться в мысли. В его сознании всплыл образ – метка на запястье женщины, круг с точкой. Он видел этот символ раньше, он знал его, но где? Он перерыл свою память, пытаясь вытащить из тумана забытое знание, но оно ускользало, как вода сквозь пальцы.

– Игорь, – сказал он тихо, – ты когда-нибудь встречал символ – круг с точкой внутри?

Белов нахмурился, глядя на дорогу.

– Вроде нет. А что?

– Это метка. На её запястье. Я думаю, он оставляет такие метки на всех своих жертвах.

Белов промолчал, но Виктор заметил, как его пальцы сжали руль чуть сильнее.

– Если ты прав, – сказал Белов, – это серийный убийца. И мы должны найти его до того, как он убьёт следующую.

Виктор кивнул. Он знал, что это только начало. Он знал, что впереди будут другие тела, другие видения, и каждый раз он будет терять часть себя. Но он также знал, что если он остановится, он никогда не сможет простить себе, что позволил кому-то продолжать убивать.

– Я найду его, – сказал он, скорее себе, чем Белову. – Даже если мне придётся потерять всё.

Он сжал кулак, чувствуя, как на его запястье снова начинает пульсировать та странная царапина, появившаяся утром. Он взглянул на неё – она стала чуть темнее, чуть глубже, как будто кто-то невидимый продолжал чертить на его коже свой собственный символ.

Он отвернулся к окну и начал считать про себя, методично, ровно, пытаясь успокоить сердцебиение. «Раз, два, три...» – но числа смешивались, и вместо них он слышал шёпот из видения – голос женщины, сказавшей «спасибо», и слёзы мужчины, который плакал над ней.

Он знал, что никогда не сможет забыть эти слёзы.

Машина остановилась у старой «хрущёвки» – пятиэтажного дома из серого кирпича, облезлого и потрескавшегося. Подъезд был тёмным, с ободранными стенами и запахом кошек. Виктор и Белов поднялись на пятый этаж по лестнице, на которой ступеньки скрипели под ногами, как старые кости.

Дверь в квартиру была уже открыта – там работали криминалисты. Белов предъявил удостоверение, и их пропустили внутрь.

Квартира была маленькой, но уютной – две комнаты, кухня, прихожая. В гостиной стоял диван с пледом, на стенах висели семейные фотографии – женщина с мужем, с двумя детьми, на фоне моря, на фоне парка, на фоне бабушкиного дома. Везде были улыбки, везде были счастливые лица, и от этого контраст с мёртвой женщиной в морге казался ещё более чудовищным.

Виктор прошёл в спальню, где на кровати ещё лежала сбитая простыня – след того, что утром муж пытался разбудить жену. Он подошёл к тумбочке, взял телефон женщины – старый «Айфон», с треснутым экраном. Он включил его, но он был заблокирован паролем.

– Муж знает пароль? – спросил он Белова.

– Сказал, что знает, но полицейские не стали его спрашивать, потому что не считали это важным. Я попрошу его завтра.

Виктор отложил телефон и продолжил осмотр. Он открыл ящик тумбочки, и там, под стопкой платков, лежала небольшая тетрадь – в кожаной обложке, с замком на молнии. Он вытащил её, расстегнул молнию и открыл первую страницу.

Там было всего несколько строк, написанных женским почерком, аккуратным, каллиграфическим:

«Он пришёл во сне. Он сказал, что я особенная. Я не знаю, как он выглядит, но я помню его голос. Он обещал, что я умру с улыбкой. И я верю ему»

Виктор замер. Его руки дрожали, когда он перелистывал страницы. Это был не обычный дневник – это была исповедь женщины, которая ждала смерти. Она описывала свои встречи с таинственным «Коллекционером», она писала о его словах, о его прикосновениях, о его обещании подарить ей «вечность». Она была влюблена в него – не как в человека, а как в бога, который может открыть ей дверь в мир, где нет боли.

Он закрыл дневник и убрал его во внутренний карман пальто. Он посмотрел на Белова и сказал:

– У меня есть нить.

Белов нахмурился.

– Какая нить?

– Она знала его, – сказал Виктор. – Она добровольно пошла на это. И он не просто убивал – он обещал им что-то. Что-то, что они не могли найти в жизни.

Белов посмотрел на него с тревогой.

– Ты думаешь, это культ?

– Я не знаю, что это, – ответил Виктор. – Но я собираюсь это выяснить.

Он повернулся и вышел из спальни, чувствуя, как тяжесть дневника в его кармане тянет его вниз, к земле, к правде, которая могла оказаться тяжелее, чем он готов был вынести.

Он сидел на заднем сиденье такси, которое везло его домой, и держал в руках дневник женщины. Он не решался открыть его в тот момент — ему казалось, что стоит лишь коснуться бумаги, как он вновь погрузится в видение, которое отнимет у него ещё немного из прошлого.

Он должен был подготовиться, быть сильным, быть готовым заплатить цену.

Он закрыл глаза и прошептал:

– Я сделаю это. Ради неё. Ради всех, кого он убьёт, если я не остановлю его.

Он сжал дневник в руках и почувствовал, как холодное тепло разливается по его ладоням – знак того, что видение уже близко, что оно ждёт его, что оно хочет быть увиденным. Он открыл глаза и посмотрел на мокрое от дождя стекло, в котором отражалось его собственное лицо – бледное, уставшее, с глазами, в которых плескалась бездна, похожая на ту, что он видел в глазах убийцы.

– Кто ты, Коллекционер? – спросил он вслух. – И почему ты плачешь?

Вместо ответа – только шум дождя и гул мотора, уносящий его вперёд, в неизвестность.

Глава 3. Запах гари на губах

Он вошёл в квартиру, и тишина ударила в уши, как ватная пробка. Ольги не было – она ушла к родителям, оставив на кухонном столе записку, придавленную солонкой. Виктор снял пальто, повесил его на вешалку, прошёл на кухню и взял записку. Бумага была мятая, словно её сжимали в руке, прежде чем положить. Почерк Ольги был неровным, с дрожащими буквами:

«Витя, я не могу больше смотреть, как ты исчезаешь. Я уезжаю к маме на несколько дней. Приди в себя, пожалуйста. Я люблю тебя, но мне страшно. О.»

Он перечитал это три раза, и каждый раз слова впивались в него, как иглы. Он знал, что она права – он исчезал, он таял, как снег под весенним солнцем. Но он не мог остановиться. Он скомкал записку и сунул её в карман, чувствуя, как бумага шуршит о ткань, словно напоминая ему о его собственной хрупкости.

Он прошёл в кабинет – маленькую комнату, заставленную стеллажами с книгами и папками. На столе лежал его дневник, и рядом – тот самый, который он забрал из квартиры Лидии. Он сел за стол, включил настольную лампу, и жёлтый свет залил поверхность, делая тени длинными и зловещими.

Он открыл дневник Лидии и начал читать, страницу за страницей.

Первые записи были обычными – планы на выходные, описание ссоры с мужем, радость от того, что дети получили хорошие оценки. Но потом, примерно за два месяца до смерти, почерк начал меняться – он стал более округлым, более плавным, как будто она писала не рукой, а сердцем.

«Он приснился мне снова. Я не видела его лица – только тень. Но его голос был таким нежным, таким уверенным. Он сказал, что я особенная. Что моя душа – самая красивая, какую он видел. Я проснулась с чувством, что меня кто-то ждёт. Муж заметил, что я улыбаюсь, и спросил, что случилось. Я не могла ему рассказать. Он бы не понял.»

Виктор перелистнул несколько страниц.

«Сегодня я встретила его. Я не знаю, как он нашёл меня – я шла по парку, и вдруг он оказался рядом. Он был без лица – он носил маску, но глаза... я никогда не видела таких глаз. Он сказал, что я готова. Что моя улыбка будет вечной. Я заплакала от счастья, когда он взял меня за руку. Он нарисовал на моём запястье знак – круг с точкой внутри. Я чувствовала тепло от этого знака. Я знаю, что скоро он придёт за мной. И я готова.»

Виктор закрыл глаза, пытаясь переварить прочитанное. Эта женщина была не жертвой – она была верующей, она шла на смерть, как на таинство. И этот человек – Коллекционер – внушал ей эту веру, используя что-то, что не было ни гипнозом, ни наркотиками. Это было что-то другое – глубинное, интимное, как прикосновение к душе.

Он открыл глаза и перевернул ещё несколько страниц. Последняя запись была сделана за день до смерти:

«Он сказал, что завтра наступит мой день. Я видела его слёзы – он плакал, когда говорил это. Я спросила, почему он плачет. Он ответил: «Потому что я люблю каждую из вас, и прощание всегда больно». Я обняла его, и он позволил мне. Я чувствовала его сердцебиение – оно было таким же, как у нас, живых. Я не боюсь. Я хочу этого. Я хочу увидеть, что там, по ту сторону. Он обещал, что там красиво.»

Виктор захлопнул дневник. Его руки дрожали, и в груди нарастал холод – тот самый, который он чувствовал в видениях. Он понял, что Коллекционер – не просто убийца, он – проводник, который убеждает людей добровольно уйти из жизни, обещая им вечность. И он делал это с любовью – или с тем, что казалось любовью.

Виктор положил дневник на стол и уставился на него. Что-то в этих записях задело его на личном уровне. Он вспомнил свою дочь – Аню, которая тоже ушла внезапно, хотя её смерть

была не добровольной. Но он помнил её последние слова, сказанные по телефону за час до аварии: «Папа, я люблю тебя». Он никогда не сможет забыть этот момент, несмотря на то, что память утекала, как вода.

Он провёл рукой по лицу, пытаясь сбросить наваждение.

– Ты не должен этого делать, – сказал он себе вслух. – Ты должен остановиться, пока не поздно.

Но он уже знал, что не остановится.

Он взял дневник в руки, и кончики пальцев коснулись обложки – мягкой, потёртой, пропитанной запахом духов Лидии. Он знал, что сейчас произойдёт, если он продолжит держать его, но он не мог отвести руку. Внутри него боролись два голоса – один кричал «остановись», другой, более тихий, шептал: «она хочет, чтобы ты знал правду».

Он закрыл глаза и позволил своему сознанию открыться.

Видение пришло не сразу – сначала был только туман, серый и вязкий, как кисель. Потом начали проявляться образы – размытые, как фотографии, сделанные в темноте. Он увидел Лидию, сидящую на скамейке в парке. Она была жива, её глаза сияли, и она смотрела на человека, который сидел напротив – он не видел его лица, только тень, длинную, как полуденная тень от столба. Человек что-то говорил – голос был тихим, мелодичным, и в нём не было угрозы, только спокойствие и уверенность.

– Ты не боишься? – спросила Лидия.

– Нет, – ответил голос. – Бояться – значит не доверять. А ты доверяешь мне?

– Да, – прошептала она, и в этом шёпоте было столько веры, что у Виктора сжалось сердце.

Человек протянул руку и дотронулся до её лица – нежно, как до хрупкого цветка. И в этот момент Виктор увидел его глаза – те самые, которые он видел в морге. Спокойные, глубокие, с искоркой сожаления, которая пряталась в самой их глубине.

– Ты будешь счастлива, – сказал он. – Я обещаю.

Видение оборвалось, и Виктор упал на спинку стула, тяжело дыша. Он чувствовал себя выжатым, как лимон, но в его груди теплилось новое знание – он увидел место, где они встречались. Это был парк, но какой? Он запомнил детали – скамейка с вырезанными инициалами, старый фонтан с облупившейся краской, и дерево, сломанное молнией.

Он открыл глаза, схватил блокнот и начал зарисовывать место. Он не был художником, но его руки двигались уверенно, как будто он делал это много раз. Он набросал фонтан, скамейку, дерево, а потом добавил деталь, которую заметил в видении – на фонтане была вырезана та же метка, круг с точкой.

– Он помечает места, – прошептал Виктор. – Как свои территории.

Он включил ноутбук, старый, с потрескавшимся корпусом, и начал поиск. Он ввёл в поисковике «метка круг с точкой» и «парк фонтан» и через несколько минут нашёл то, что искал – форум городских исследователей, на котором кто-то выложил фотографию старого фонтана в Парке культуры имени Горького. На фотографии фонтан был таким же, как в его видении – облупившимся, с вырезанной на постаменте меткой.

Виктор открыл карту Москвы и нашёл этот парк. Он находился в двадцати минутах езды от его дома. Он знал, что должен поехать туда, прикоснуться к фонтану и увидеть больше. Но он также знал, что это будет стоить ему очередного воспоминания.

Он проверил свой дневник – в нём было перечислено то, что он уже потерял: имя его первого учителя, дата его свадьбы, любимый фильм, запах маминых пирожков. Список рос с каждым днём, и он знал, что сегодня он пополнится ещё одним пунктом.

Он взял куртку, ключи от машины (хотя он почти не водил после аварии) и вышел из дома.

Парк был пуст – дождь разогнал всех посетителей, и только мокрые вороны сидели на ветках, сонно каркая. Виктор прошёл по аллее, обходя лужи, и через несколько минут вышел к фонтану. Он был таким же, как в видении – старым, облупившимся, с меткой на постаменте.

Он остановился перед ним, чувствуя, как его сердце начинает биться быстрее. Он знал, что сейчас прикоснётся к холодному камню и увидит то, что может изменить всё.

Он положил руку на фонтан, на то место, где была вырезана метка.

Видение пришло мгновенно, как удар в грудь. Он увидел Лидию, сидящую на скамейке рядом с фонтаном, и рядом с ней – Коллекционера. На этот раз он видел его лицо чётко, как будто смотрел на фотографию. Молодой человек, лет тридцати, с тёмными волосами, правильными чертами лица, и глазами, в которых застыла вечная печаль. Он улыбался, но улыбка не касалась его глаз – они оставались холодными, как лёд.

– Ты готова? – спросил он Лидию.

– Да, – ответила она.

Он взял её за руку и поцеловал в лоб. В этот момент Виктор почувствовал, как через прикосновение передаётся что-то – не физическое, а эмоциональное, как волна тепла, которая окутывает тело и душу. Это было не убийство – это был акт передачи, как будто Коллекционер забирал её душу и помещал её в себя.

И в этот момент Виктор понял, что он делал – он собирал души, как картины, чтобы жить с ними вечно.

Видение оборвалось, и Виктор упал на колени, чувствуя, как его выворачивает наизнанку. В этот раз видение было сильнее – он потерял не только имя, но и лицо своей матери. Он смотрел на свои руки и не мог вспомнить, как выглядит женщина, которая родила его.

– Нет, – прошептал он, сжимая кулаки. – Нет, я не могу потерять её.

Но память уже ушла, оставив только пустоту.

На выходе из парка он остановился, пытаясь сориентироваться. Где он? Он посмотрел на вывеску у входа – «Парк культуры имени Горького». Это он знал. Но куда идти дальше? Он попытался вспомнить адрес своего дома, но в голове была только пустота, как в пустой комнате, где стёрлись все надписи на стенах.

Он вытащил из кармана мобильный телефон. Экран был мокрым, но работал. Он открыл заметки и нашёл там запись: «Мой адрес: ул. 2-я Тверская-Ямская, д. 14, кв. 38». Он выдохнул с облегчением и набрал номер такси.

Через десять минут к парковке подъехала жёлтая машина. Виктор открыл заднюю дверцу и рухнул на сиденье, не в силах даже пристегнуться. Таксист – молодой парень с наушником в ухе – покосился на него в зеркало заднего вида.

– Вам плохо? – спросил он. – Вызовем скорую?

– Нет, – выдохнул Виктор. – Домой. 2-я Тверская-Ямская, 14.

– Хорошо, – таксист пожал плечами и нажал на газ.

Он сидел в такси, не помня, как сел в него, не помня, как назвал адрес. В его голове крутились обрывки видений – Лидия, Коллекционер, фонтан, метка. И лицо человека, который был убийцей – оно запечатлелось в его памяти с пугающей чёткостью.

Он должен был найти его, но как? У него было лицо, но не было имени. У него была метка, но не было места.

Он приехал домой, поднялся к себе, зашёл в кабинет и сел за стол. Он достал свой дневник и написал новую запись:

«Сегодня я увидел его лицо. Он молод, около тридцати, тёмные волосы, глаза – как у человека, который видел смерть и остался с ней наедине. Он убивает не из ненависти – он убивает из любви. Он верит, что забирает души, чтобы сохранить их. Я должен найти его. Но я уже забыл лицо своей матери. Я больше не помню, как она улыбалась».

Он закрыл дневник и спрятал его в стол.

В этот момент в его голове что-то щёлкнуло – он вспомнил, что где-то видел это лицо раньше, ещё до видений. Он перерыл свою память, пытаясь найти зацепку, и вдруг – озарение. Он видел это лицо в деле о пропавших студентах, которое он вёл несколько лет назад. Молодой человек, который исчез без вести, и его имя...

Виктор открыл ноутбук и начал искать. Через пятнадцать минут он нашёл то, что искал – старое дело, которое он сам закрыл как безрезультатное. На фотографии в деле был тот самый человек, которого он видел в видении. Имя? Он прочитал: «Кирилл Коваленко». Студент-психолог, который пропал пять лет назад.

Виктор замер. Его глаза расширились, а в груди что-то упало.

– Кирилл, – прошептал он. – Ты был моим учеником.

Он вспомнил. Кирилл Коваленко был одним из лучших студентов на его семинаре по этике. Он был талантлив, но одержим идеей, что смерть – это искусство, а жизнь – лишь подготовка к ней. Виктор провалил его на экзамене, когда тот написал работу, оправдывающую насилие. Кирилл ушёл, и больше Виктор его не видел.

А теперь он убивал.

– Я должен был остановить тебя тогда, – сказал Виктор, глядя на фотографию. – Я должен был понять, что ты станешь этим чудовищем.

Он сидел за столом, уставившись на стену, и чувствовал, как внутри него нарастает ледяная пустота. Мысли путались, переплетались, но одна из них, как тонкая нить, начала проступать сквозь туман. Лицо, которое он видел в видении – молодой человек с тёмными волосами и глазами, полными вечной печали. Оно было смутно знакомым. Где он видел его раньше? Не в морге, не в парке – раньше, задолго до этого дня.

Он закрыл глаза и заставил себя вспомнить. В его голове всплыли образы – аудитория, студенты, семинар по этике. Молодой человек, который сидел в первом ряду и задавал вопросы, которые заставляли других студентов ежиться. Он помнил его имя – оно было на языке, но не могло сорваться с губ. Он открыл глаза, схватил телефон и начал листать старые фотографии – он часто фотографировал свои семинары. И вот, на одном из снимков, сделанном пять лет назад, он увидел его.

Молодой Кирилл Коваленко. Тот самый студент, которого он провалил на экзамене за работу, оправдывающую насилие как искусство. Он помнил, как тот тогда встал и сказал: «Вы не понимаете меня, Виктор Александрович. Но однажды вы поймёте, что смерть – это не конец, а начало». Тогда Виктор принял это за юношеский максимализм, за глупую браваду. А теперь этот парень убивал, забирая души, как картины.

Виктор открыл ноутбук, вошёл в старую базу данных МВД, куда у него был доступ, и начал искать дело о пропавших студентах. Он нашёл его через пятнадцать минут – дело пятилетней давности, которое он сам закрыл как безрезультатное. На фотографии в деле был Кирилл. Рядом – примечание: «Исчез без вести, предположительно покинул страну». Виктор знал, что это ложь. Кирилл не уехал – он остался здесь, чтобы начать свою коллекцию.

Он закрыл ноутбук и уставился на телефон. Он должен был позвонить Белову. Но что он скажет? Что он видел лицо убийцы в видении? Что этот убийца – его бывший студент? Белов поверит ему, потому что он уже поверил в его дар, но доказательств у него не было. Только дневник Лидии, только метка на её запястье, только его слово.

Он взял телефон в руки и почувствовал, как холодный пот выступает на лбу. Его палец замер над кнопкой вызова. Он знал, что этот звонок станет точкой невозврата – отныне он официально вступит в охоту на своего бывшего ученика. И это будет стоить ему новых воспоминаний.

Он нажал на кнопку.

– Игорь, – сказал Виктор, когда Белов взял трубку. – Я знаю, кто он. Его зовут Кирилл Коваленко. Он был моим студентом пять лет назад. Я провалил его на экзамене, и теперь он убивает.

В трубке повисла тишина.

– Ты уверен? – спросил Белов.

– Я видел его лицо в видении. Он тот самый человек, которого я видел в морге.

– Это серьёзно. Но у нас нет доказательств. Мы не можем просто арестовать человека на основании твоих видений.

– Я знаю, – ответил Виктор. – Но у меня есть его имя. И я знаю, что он оставляет метки – круг с точкой. Я найду его, Игорь. Я должен его найти.

– Хорошо, – сказал Белов. – Я дам тебе доступ к базе данных. Найди его адрес, фотографии, всё, что связано с ним. Но ты будешь действовать под моим контролем. Договорились?

– Договорились, – ответил Виктор и повесил трубку.

Он сидел в тишине, глядя на фотографию Кирилла, и чувствовал, как холодное тепло разливается по его жилам. Он знал, что это только начало, что впереди будут новые смерти и новые потери, но он также знал, что не может остановиться.

– Я найду тебя, – сказал он тихо. – И я заставлю тебя заплатить за все твои картины.

Он не хотел спать, но тело требовало отдыха. Он лёг на кровать, не раздеваясь, и закрыл глаза. Сон пришёл быстро – чёрная бездна, в которой он снова увидел коридор с закрытыми дверями. Но на этот раз одна дверь была открыта, и из неё струился свет.

Он подошёл к ней и заглянул внутрь. Там была комната, в которой сидела девочка – его дочь, Аня. Она была жива, она улыбалась, и она махала ему рукой.

– Папа, – позвала она. – Не бойся. Я здесь, и я счастлива.

– Аня, – прошептал он, протягивая к ней руку. – Я скучаю по тебе.

– Я знаю, папа. Но ты должен идти дальше. Ты должен спасти их. Всех, кто боится смерти. Ты можешь это сделать.

– Я не знаю, как, – сказал он, чувствуя, как слёзы текут по его щекам.

– Ты знаешь, – ответила она. – Ты просто должен верить.

Он проснулся с криком на губах. Вокруг было темно, и только свет уличного фонаря проникал сквозь щель в шторах. Он сидел на кровати, тяжело дыша, и чувствовал, как его запястье пульсирует – там, где была царапина, она стала ещё глубже.

– Я не могу остановиться, – сказал он себе. – Даже если это убьёт меня.

Глава 4. Скамейка, помнящая тепло

Он проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Резко, настойчиво, как в детстве, когда мать будила его в школу. Он открыл глаза и увидел над собой лицо Ольги – бледное, заплаканное, с красными веками. Она стояла над ним в халате, и в её руках была чашка с дымящимся чаем.

– Витя, – сказала она, и голос её дрожал. – Ты кричал во сне. Опять. Я вернулась вчера поздно, ты уже спал, и я не стала тебя будить. Но ты всю ночь метался, звал кого-то.

Виктор сел на кровати, провёл рукой по лицу. Он был в той же одежде, что и вчера – рубашка помялась, пиджак валялся на полу. Он не помнил, когда лёг, не помнил, как разделся. Он только помнил сон – Аню, её улыбку, её слова: «Ты должен спасти их». И чувство, что он прощался с ней навсегда.

– Я не помню, – сказал он, но это была ложь. Он помнил всё, но не хотел говорить Ольге. Она и так была на грани.

Ольга поставила чай на тумбочку и села рядом с ним на кровать. Она взяла его за руку, и её пальцы были тёплыми, живыми, в отличие от тех холодных рук, к которым он привык прикасаться в морге.

– Витя, – сказала она тихо. – Я вернулась, потому что не могу бросить тебя. Я люблю тебя, даже если ты меня не помнишь. Но я вижу, что ты разрушаешь себя. Что ты делаешь? Ты работаешь с какими-то делами, ты пропадаешь до ночи, ты забываешь моё имя. Это не может продолжаться.

Он хотел сказать ей правду. Хотел рассказать про свой дар, про Кирилла, про видения, про цену, которую он платит. Но слова застряли в горле, потому что он знал – если он расскажет, она либо не поверит, либо испугается и уйдёт навсегда. Он не мог потерять её, даже если уже терял себя.

– Оля, – сказал он, сжимая её руку. – Я не могу остановиться. Есть человек, который убивает женщин. Я знаю, кто он, но у меня нет доказательств. Если я остановлюсь, он убьёт ещё.

Ольга посмотрела на него долгим, изучающим взглядом.

– Ты говоришь как следователь, – сказала она. – Но ты психолог. Ты не должен расследовать преступления.

– Я должен, – ответил он. – Потому что никто другой не может.

Она вздохнула, отпустила его руку и встала.

– Тогда хотя бы позавтракай, – сказала она. – Я сделаю тебе яичницу. И прими душ – от тебя пахнет сыростью и чем-то странным, как от старого подвала.

Она вышла из комнаты, и он остался один. Он посмотрел на своё запястье – царапина стала чуть светлее, но не исчезла. Он провёл по ней пальцем, и вдруг почувствовал слабый отголосок того холода, который всегда предшествовал видению. Он знал, что это предупреждение – его дар не ушёл, он просто ждал.

Он встал, снял грязную одежду и прошёл в душ. Горячая вода стекала по его телу, смывая усталость, но не страх. Он стоял под струями, закрыв глаза, и пытался восстановить в памяти лицо Кирилла. Оно было чётким, как фотография, – он мог нарисовать его по памяти. Но он не мог вспомнить, где видел его раньше, кроме как в видении и на старой фотографии в университетском деле. Он знал, что Кирилл был его учеником, но ничего не помнил о том, каким он был человеком.

Он выключил воду, вытерся и оделся в чистое. На кухне его ждала Ольга с тарелкой яичницы и тостом. Она стояла у плиты, спиной к нему, и он заметил, что её плечи слегка дрожат. Он подошёл и обнял её сзади, прижавшись щекой к её волосам. Они пахли шампунем

– тем самым, который она всегда покупала, и этот запах был единственным, что он помнил о ней отчётливо.

– Спасибо, что вернулась, – сказал он.

– Я всегда буду возвращаться, – ответила она, не поворачиваясь. – Пока ты есть.

Он сел за стол и начал есть, но еда казалась безвкусной. Он жевал механически, думая о том, что ему нужно сделать сегодня. Найти адрес Кирилла. Проверить старые дела. И, возможно, снова прикоснуться к чему-то, что связано с убийцей.

Его телефон, лежащий на столе, вдруг завибрировал. Он посмотрел на экран – Белов.

– Да, – ответил он, принимая вызов.

– Виктор, – голос Белова был напряжённым. – У нас ещё одна. Та же картина – женщина, тридцать пять лет, найдена в парке на скамейке. Без следов насилия, лицо спокойное. Соседи говорят, она ходила на свидание. Я пришлю координаты. Приезжай.

– Буду, – сказал Виктор и нажал отбой.

Он посмотрел на Ольгу, которая стояла у окна, глядя на серое утро.

– Мне нужно ехать, – сказал он.

– Я знаю, – ответила она, не оборачиваясь. – Иди. Только будь осторожен.

Он встал, надел пальто, взял портфель и вышел из дома, чувствуя, как холодный воздух снова обжигает его лицо.

Парк, куда его привёз Белов, находился в спальном районе – старые тополя, заросшие дорожки, и в центре – скамейка, на которой сидела женщина, когда её нашли. Место уже было оцеплено, но Белов махнул рукой, пропуская Виктора.

– Вот она, – сказал Белов, указывая на тело, которое лежало на скамейке, аккуратно, как будто его уложили. – Её зовут Екатерина. Официантка, двое детей. Муж в командировке. Она пошла на свидание – так сказала подруга. Но она не вернулась.

Виктор подошёл ближе. Женщина лежала на спине, руки сложены на груди, голова чуть повернута набок. На её лице застыла та же блаженная улыбка, что и у Лидии. Она казалась спящей принцессой из сказки, которую разбудит поцелуй, но Виктор знал, что это была не сказка.

– Кто нашёл её? – спросил он.

– Прохожий, – ответил Белов. – Утром, около шести. Он подумал, что она спит, и попытался разбудить – она была холодной. Вызвал полицию.

Виктор оглядел скамейку. Она была деревянной, старой, с вырезанными на ней инициалами влюблённых. Но среди этих сердец и стрел он заметил то, что искал – на спинке скамейки, почти незаметный, был вырезан символ: круг с точкой.

– Он был здесь, – сказал Виктор, указывая на метку. – Так же, как у Лидии.

Белов подошёл, посмотрел и нахмурился.

– Ты уверен?

– Да. Это его подпись.

Виктор присел на корточки рядом со скамейкой и протянул руку к дереву. Он не хотел касаться тела – он хотел коснуться того, что помнило их встречу.

– Не трогай, – сказал криминалист, стоящий рядом. – Мы ещё не сняли отпечатки.

– Я не буду трогать, – сказал Виктор, но его пальцы уже скользнули по дереву, поглаживая резную метку.

Мир снова взорвался.

Он стоял на этой же аллее, но было вечером – тусклый свет фонарей, и женщина сидела на скамейке, кутаясь в пальто. Она ждала кого-то, нервно теребила шарф, поглядывала на часы. И вдруг из тени вышел он – Кирилл. Он был в длинном пальто, с непокрытой головой, и его лицо было спокойным, почти мечтательным.

– Ты пришёл, – сказала женщина, вставая.

– Я всегда прихожу, – ответил он, и его голос был мягким, как шёлк. – Ты готова?

– Да, – прошептала она.

Он сел рядом с ней на скамейку, взял её за руки и посмотрел прямо в глаза. Виктор чувствовал, как её сердце начинает биться спокойнее, как волна тепла окутывает её, как она начинает таять, как воск. Кирилл что-то говорил – Виктор не слышал слов, только ощущения: любовь, доверие, благодарность. Женщина склонила голову ему на плечо, и он погладил её по волосам, и она закрыла глаза, и её дыхание стало тише, тише, пока не остановилось совсем.

И тогда Кирилл заплакал. Слёзы текли по его щекам, падая на её лицо, на её руки, на скамейку. Он нагнулся и поцеловал её в губы – нежно, как целуют спящего ребёнка, – и встал, оставив её сидеть на скамейке, всё ещё тёплую, всё ещё красивую.

Виктор почувствовал, как эти слёзы обжигают его изнутри – они были настоящими, искренними, как будто он действительно любил каждую из них. Но за этой любовью стояла тьма, которая пожирала всё, к чему прикасалась.

Видение оборвалось так же внезапно, как началось. Виктор упал на колени, хватая ртом воздух, и его вырвало на мокрую траву.

– Виктор! – Белов бросился к нему. – Твою мать, опять?!

– Я в порядке, – прохрипел он, вытирая рот рукавом. – Я видел его. Он был здесь. Он поцеловал её в губы и ушёл.

Белов помог ему встать.

– Ты уверен, что можешь это делать? Ты каждый раз падаешь, как подкошенный.

– Я должен, – сказал Виктор. – Это моя цена.

Он подошёл к телу женщины, наклонился и посмотрел на её губы. Они были чуть пухшими, и на нижней губе он заметил крошечный след – как будто от поцелуя, оставленный нежными губами. Он провёл пальцем по её губе, и этот жест был почти интимным, почти кошунственным.

– Он оставляет свой след, – сказал он. – Его поцелуй – как печать. Это его ритуал.

– Дьявол, – выдохнул Белов.

– Нет, – покачал головой Виктор. – Он не дьявол. Он человек, который верит, что дарит им вечность. И они идут на это добровольно.

Белов стоял рядом, молча глядя на него несколько секунд. В его взгляде читалась смесь недоверия, ужаса и чего-то похожего на сострадание. Он видел, как Виктор буквально рассыпается на части, но он также знал, что спорить с ним бесполезно.

– Ладно, – сказал Белов, разворачиваясь. – Идём.

Он взял Виктора под локоть и повёл прочь от скамейки, через мокрую траву, мимо криминалистов, которые косились на них с любопытством. Виктор шёл, спотыкаясь, но держался – он должен был держаться, потому что если он упадёт сейчас, он уже не встанет. Каждый шаг давался с трудом, но он заставлял себя идти, чувствуя, как дождь хлещет по лицу, смешиваясь с потом и слезами, которые он даже не замечал.

Они дошли до машины Белова – старого «Форда» с потёртым кузовом, припаркованного у обочины за оцеплением. Белов открыл переднюю дверцу, и Виктор рухнул на сиденье, как подкошенный. Голова закружилась, в ушах зазвенело, и он на мгновение закрыл глаза, позволяя себе просто дышать. Вдох. Выдох. Ещё раз.

Белов обошёл машину, сел за руль, захлопнул дверцу. Секунду он сидел молча, глядя через лобовое стекло на серое небо, затем повернулся к Виктору.

– Я отвезу тебя в участок, – сказал он, заводя двигатель. – Там ты сможешь прийти в себя и записать всё, что видел. Никто не будет мешать.

Виктор кивнул, не открывая глаз. Он чувствовал, как машина трогается с места, как она плавно объезжает лужи и полицейские машины, выруливая на пустынную мокрую дорогу. Он

слышал шум дождя, ритмичное постукивание дворников, глухое урчание мотора – и эти звуки постепенно возвращали его в реальность, вытаскивая из липкого тумана видения.

Он медленно открыл глаза и посмотрел на свои руки. Они дрожали, но уже не так сильно. Он сжал их в кулаки и разжал, и эта простая физическая нагрузка помогла ему собраться.

– Блокнот, – сказал он хрипло. – У меня в кармане.

– Возьми, – ответил Белов, не отрывая взгляда от дороги.

Виктор вытащил блокнот – мокрый, с загнутыми уголками – и ручку. Он открыл чистую страницу и посмотрел на неё. Белый лист казался ему чистым полем, на котором он должен был запечатлеть то, что видел, пока это не исчезло из его памяти.

– Я начну записывать, – сказал он, склоняясь над блокнотом. – Если я замолчу – трясина меня, чтобы я не провалился в сон.

– Договорились, – ответил Белов.

Виктор поднёс ручку к бумаге и замер. Он знал, что эти записи станут его единственной опорой, потому что с каждым новым видением он терял всё больше собственной жизни. Но он также знал, что если он не запишет это сейчас, завтра он может не вспомнить ни слова.

Он начал писать, выводя буквы медленно, но уверенно.

Он знал, что эти записи – его единственная опора, потому что через несколько дней он может забыть эту женщину, этот парк, и этот день.

– Игорь, – сказал он, – у нас есть две жертвы с одинаковой меткой, одинаковым ритуалом. Лидия и Екатерина. Я думаю, что их больше – может быть, десятки, но никто не связывал их, потому что они выглядели как естественные смерти.

Белов кивнул.

– Я дам тебе доступ к архиву. Но ты должен быть осторожен – если кто-то узнает, что ты используешь свои «способности» для расследования, тебя уволят и посадят на лечение.

– Я знаю. Но я должен найти его раньше, чем он убьёт следующую.

Он посмотрел на свои часы – было почти одиннадцать. Он знал, что ему нужно встретиться с Воронцовым, чтобы обсудить последствия его видений, чтобы понять, как долго он ещё сможет сохранять рассудок.

– Отвези меня к Воронцову, – сказал он.

– К профессору? Зачем?

– Мне нужна консультация. Я теряю память быстрее, чем ожидал.

Белов посмотрел на него с тревогой.

– Ты уверен, что хочешь этого?

– Нет, – ответил Виктор. – Но я должен знать, сколько у меня осталось времени.

Профессор Андрей Воронцов был старым другом Виктора – они познакомились на конференции по нейропсихологии десять лет назад. Воронцов был высоким, худощавым, с седой бородкой и пронзительными голубыми глазами, которые, казалось, видели насквозь. Он работал в частной клинике на окраине Москвы и специализировался на посттравматических изменениях мозга.

Виктор сидел в его кабинете, на кожаном диване, и рассказывал обо всём, что происходило. О своём даре, о видениях, о потере памяти. Воронцов слушал молча, иногда записывая что-то в блокнот. Когда Виктор закончил, он откинулся на спинку кресла и задумчиво погладил подбородок.

– Я проведу тебе МРТ и тесты памяти, – сказал он. – Но я могу сказать тебе уже сейчас – твой мозг компенсирует гипертрофированную активность в одних зонах за счёт подавления других. Это похоже на нейропластичность, которая работает в обратную сторону. Ты открываешь каналы для восприятия чужих смертей, но твоя собственная автобиографическая память становится жертвой этого процесса.

– Сколько у меня времени? – спросил Виктор.

Воронцов вздохнул.

– Это зависит от того, как часто ты будешь использовать свой дар. Если ты продолжишь в том же темпе – возможно, несколько месяцев. Ты можешь потерять личность полностью.

– Я не могу остановиться, – сказал Виктор. – Ты понимаешь?

– Понимаю, – ответил Воронцов. – Но ты должен знать цену. И ты должен подготовиться к тому, что однажды ты проснёшься и не будешь знать, кто ты.. Ты будешь помнить только чужие смерти, а свою жизнь – нет.

Виктор опустил голову.

– Я уже забыл имя матери. Я не помню, как она выглядит.

Воронцов подошёл к нему и положил руку на плечо.

– Если это поможет – я запишу всё, что ты мне рассказывал. Когда ты потеряешь память, я смогу прочитать тебе это. Но ты должен понять, что это будет не твоя жизнь – это будет жизнь, описанная словами.

– Это лучше, чем ничего, – сказал Виктор и поднял глаза. – Сделай МРТ. Я хочу знать, что происходит внутри меня.

Он приехал домой, в своём кабинете, глядя на результаты МРТ, которые Воронцов отправил ему по электронной почте. Серые снимки показывали его собственный мозг с областями, которые светились неестественно ярко – это были те самые зоны, которые он использовал для видений. И рядом – тёмные пятна, где активность была подавлена. Там хранилась его память.

Он закрыл ноутбук и открыл свой дневник. Он записал новые данные:

«Сегодня я коснулся скамейки в парке. Увидел, как он убил вторую женщину, Екатерину. Он целовал её в губы. Он плакал. Я забыл лицо своей матери, но я помню его слёзы. Воронцов сказал, что у меня осталось несколько месяцев, если я продолжу. Но я не могу остановиться, потому что он убьёт ещё. И я должен найти его раньше».

Он перечитал запись и вдруг понял, что забыл, как зовут его отца. Он лихорадочно перелистал дневник – там была запись: «отец – Николай, умер в 2005 году». Но имя было чужим, как и всё остальное.

Он закрыл дневник и почувствовал, как ледяная пустота внутри него становится всё больше, как пропасть, которая разверзается у него под ногами. Он знал, что каждая новая жертва приближает его к этой пропасти. Но он также знал, что если он остановится, то никогда не сможет себе простить, что позволил кому-то умереть.

Он встал, подошёл к окну и посмотрел на серое небо, на дождь, который снова начинал накрапывать. Где-то там, в этом городе, бродил Кирилл, готовый к следующей встрече. И Виктор знал, что он должен найти его, даже если для этого ему придётся потерять всё, что у него осталось.

– Я иду за тобой, – прошептал он. – И я не остановлюсь.

Глава 5. Имя, ускользящее сквозь пальцы

Он стоял у окна, глядя на серое небо, на дождь, который снова начинал накрапывать. Где-то там, в этом городе, бродил Кирилл, готовый к следующей встрече. И Виктор знал, что он должен найти его, даже если для этого ему придётся потерять всё, что у него осталось.

– Я иду за тобой, – прошептал он. – И я не остановлюсь.

Он не знал, сколько простоял так – пять минут, десять, час. Когда он наконец отошёл от окна, часы показывали половину седьмого вечера. Он чувствовал пустоту, которая разрасталась внутри, и понимал, что если сейчас ляжет спать, то завтра проснётся с новыми провалами. Но он всё равно лёг, потому что сил не осталось.

Утро пришло не с рассветом, а с тихим голосом Ольги, которая гладила его по голове. Рука была тёплой, мягкой, и он на мгновение подумал, что это мать, но потом вспомнил – мать умерла, а имя её он уже забыл. Он открыл глаза и увидел Ольгу, сидящую на краю кровати. Она смотрела на него с той же смесью любви и страха, которая стала её постоянным выражением.

– Витя, – сказала она. – Ты снова кричал. Я слышала из кухни. Ты кричал: «Я знаю, кто ты».

Он сел, провёл ладонью по лицу. Голова была тяжёлой, как камень, и во рту – привкус меди. Он посмотрел на запястье – новая царапина, ещё свежая, и под ней кожа была горячее, как будто кто-то прикоснулся к ней раскалённым железом.

– Извини, – сказал он, хрипло. – Я не хотел тебя будить.

– Ты меня не разбудил, – ответила она. – Я не спала, я сидела и ждала, когда ты начнёшь кричать.

Она встала и подошла к шкафу, где висела его чистая рубашка. Он заметил, что её плечи дрожали, но она старалась не показывать страха.

– Ты должен поесть, – сказала она. – Я приготовила кашу.

Он кивнул, хотя есть не хотел. Ему хотелось одного – снова погрузиться в свои записи, найти зацепку, которая приведёт его к Кириллу. Но он понимал, что Ольга права – ему нужно держаться за обычную жизнь, пока она ещё оставалась.

Он встал, прошёл на кухню, сел за стол. Каша была тёплой, с маслом, и он заставил себя съесть несколько ложек, чувствуя, как еда скользит по горлу, как песок. Ольга сидела напротив, пила чай, но не смотрела на него – она смотрела в окно на мокрые ветки тополя. Тишина между ними была плотной, но не враждебной – она была заполнена теми словами, которые никто из них не решался произнести.

– Оля, – сказал он после долгой паузы. – Я хочу попросить тебя об одной вещи.

Она повернулась к нему.

– О чём?

– Если я когда-нибудь забуду, кто я, – если я потеряю себя настолько, что перестану тебя узнавать, – обещай, что ты не будешь пытаться меня вернуть. Просто оставь меня. Я не хочу, чтобы ты страдала из-за меня.

Она медленно опустила чашку на стол. В её глазах блеснули слёзы, но она сдержалась, и голос её был твёрже, чем он ожидал.

– Ты не потеряешь себя, – сказала она. – Ты слишком сильный, чтобы потерять себя.

– Это не сила, – ответил он, глядя на свои руки, на бледную кожу, на тонкие прожилки вен. – Это цена, которую я плачу. И она может оказаться выше, чем я думал.

Она встала, обошла стол, подошла к нему и обняла его за плечи, прижавшись щекой к его голове. Запах её духов – тот самый, который он помнил, – на мгновение вернул ему ощущение того, что он всё ещё жив.

– Тогда я буду твоей памятью, – сказала она. – Когда ты забудешь, я напомню тебе, кто ты.

Он закрыл глаза и позволил себе на секунду поверить, что это возможно. Он сжал её руку, и они простояли так несколько минут, пока телефон не зазвонил на столе – Белов звонил уже второй раз за утро.

– Мне нужно ехать, – сказал он, поднимаясь.

Ольга отпустила его и кивнула, не говоря ни слова.

Участок встретил его привычным запахом бумаги, кофе и казённого мыла. Здесь он чувствовал себя почти как дома, хотя это «почти» становилось всё более размытым с каждым днём. Белов уже ждал его в своём кабинете, сидя за столом, заваленным папками.

– Садись, – сказал он, указывая на стул. – Я поднял старые дела по всей Москве. Ты был прав – за последние пять лет было зафиксировано восемнадцать смертей, списанных на естественные причины, с похожей картиной: женщины 28–40 лет, без следов насилия, с лицом, выражающим спокойствие. Я не знаю, как я раньше этого не заметил.

– Потому что их не искали, – ответил Виктор, садясь. – Они выглядели как обычные инфаркты или инсульты. Никто не связывал их, потому что каждый случай рассматривали по отдельности.

Он взял одну из папок и открыл её. На первой странице была фотография женщины – тёмные волосы, улыбка, весёлые глаза. Он перевернул страницу и увидел заключение патологоанатома: «Внезапная остановка сердца, причина не установлена». И в самом низу – пометка, сделанная от руки: «Отпечаток на запястье – круг с точкой. Предположительно татуировка».

– Это она, – сказал Виктор, чувствуя, как внутри него разливается холод. – Та же метка. Он оставляет её на каждой.

Он просмотрел все восемнадцать дел. В каждом была метка – на запястье, на шее, на внутренней стороне руки. Символ был везде, и он был единственным, что связывало эти смерти.

– Он убивает их уже пять лет, – выдохнул Белов. – А мы ничего не знали.

– Мы знали, просто не связывали, – ответил Виктор. – Теперь мы знаем. И мы должны найти его, пока он не убил девятнадцатую.

Он открыл свой блокнот и начал выписывать имена, даты, места. Он искал закономерность – интервалы между смертями, места, где находили тела. Через час он заметил, что интервалы становились короче. Если раньше он убивал раз в три-четыре месяца, то в последний год – раз в месяц. Он ускорялся, словно чувствовал, что его время истекает, или же он приближался к цели, которая требовала всё больше жертв.

– Он ускоряется, – сказал Виктор, проводя пальцем по колонке дат. – Ему нужно всё больше. Может быть, он чувствует, что его время истекает.

– Или он ищет кого-то конкретного, – предположил Белов.

Виктор задумался. Эта мысль была пугающей. Что если все эти смерти – лишь подготовка, тренировка, чтобы найти идеальный «экспонат»? Он вспомнил дневник Лидии – она писала, что он обещал ей вечность. Может быть, он искал ту, которая будет идеальной, и все остальные – лишь пробы.

Он посмотрел на список и вдруг заметил кое-что общее – все женщины жили в старых районах, в домах с историей. Все были творческими – художницы, музыканты, писательницы. Все были одиноки или несчастливы в браке. Они были не просто жертвами – они были отражениями той, которую он потерял.

– Он выбирает их по определённому профилю, – сказал Виктор. – Они ищут смысл, красоту, вечность. Он даёт им это.

Белов покачал головой.

– Это звучит как культ. Как секта.

– Возможно, – ответил Виктор. – Но я думаю, он действует один. Он не нуждается в последователях. Ему нужны только его «экспонаты».

Он закрыл последнюю папку и почувствовал, как усталость наваливается на него с новой силой. Но вместе с усталостью пришло и понимание – чтобы найти Кирилла, ему нужно прикоснуться к чему-то, что тот трогал, увидеть его прошлое так же ясно, как он видел прошлое своих жертв.

– Мне нужно найти его личные вещи, – сказал он. – Его старую квартиру, его вещи, что-то, что он трогал. Чтобы я мог коснуться их и увидеть больше.

Белов нахмурился.

– Это опасно. Каждый раз, когда ты это делаешь, ты теряешь память.

– Я знаю, – ответил Виктор, и голос его был твёрже, чем он сам ожидал. – Но это единственный способ найти его до того, как он убьёт следующую.

Белов вздохнул и открыл свою папку с данными.

– У меня есть адрес его старой квартиры. Он снимал её по поддельным документам, но я нашёл настоящего владельца. Поехали.

Квартира находилась на окраине, в старом доме с ободранными стенами и запахом сырости. Когда они поднялись на третий этаж, дверь была заперта, но Белов открыл её с помощью отмычки – он не стал ждать ордера, потому что времени не было.

Внутри было темно и пыльно. Квартира выглядела заброшенной – ни мебели, ни личных вещей, только пустые стены и пол, покрытый слоем пыли. Но Виктор чувствовал, что здесь что-то есть – какая-то энергия, которая сохранилась в стенах, в воздухе, в том, что он не мог объяснить словами. Он прошёл в комнату, которая, возможно, была спальней, и остановился в центре, закрыв глаза. Вокруг него витали обрывки чужих эмоций – тоска, одиночество, и та же гарь, которую он чувствовал в морге.

– Здесь пусто, – сказал Белов, осматриваясь.

– Нет, – покачал головой Виктор. – Он был здесь. Я чувствую.

Он опустил глаза и заметил на полу старую газету, датированную трёхлетней давностью. Он поднял её, и его пальцы коснулись бумаги. Видение пришло, как слабый импульс – он увидел Кирилла, сидящего на полу, читающего ту же газету, и слёзы, текущие по его лицу. Он плакал, глядя на фотографию неизвестной женщины, которая была вырезана из газеты. Виктор почувствовал его боль – острую, как лезвие, и она была почти невыносимой.

Он отбросил газету и продолжил поиски. В углу лежал старый рюкзак – потёртый, с оторванным ремнём. Он подошёл и открыл его. Внутри были тетради, исписанные мелким почерком, и несколько фотографий, пожелтевших от времени. Он взял одну из них – на ней был изображён Кирилл, молодой, улыбающийся, с группой студентов. Рядом с ним стояла девушка с длинными тёмными волосами – она улыбалась, и в её глазах был свет, который Виктор не видел ни у одной из жертв.

– Это она, – сказал Виктор, показывая фотографию Белову. – Та, которую он ищет.

– Кто она?

Виктор перевернул фотографию. На обратной стороне было написано имя: «Алина». И дата – пять лет назад. Он провёл пальцем по надписи, и в тот же миг мир вокруг него снова начал расплываться, погружая его в видение.

Он стоял в той же комнате, но это была другая комната – светлая, с белыми занавесками, с запахом цветов, которые стояли в вазе на подоконнике. Перед ним сидела Алина – молодая, с сияющими глазами, с улыбкой, которая могла растопить лёд. Рядом с ней сидел Кирилл – молодой, без той печати, которая была на его лице теперь, без этой вечной тени в глазах. Он держал её за руку и говорил:

– Я люблю тебя. Ты – моя муза. Ты – моя вечность.

Она смеялась и целовала его в щёку. Но потом её лицо изменилось – она вдруг побледнела, и из её носа потекла кровь. Она упала, и Кирилл схватил её, закричал, но было поздно. Она умерла у него на руках, и её последний вздох был тихим, как шёпот ветра.

И тогда он заплакал. Те же слёзы, которые Виктор видел в своих видениях, – и он понял, что это были слёзы не убийцы, а человека, который потерял свою любовь. Он целовал её руки, её лицо, шептал: «Я верну тебя, я обещаю».

Видение оборвалось, и Виктор открыл глаза. Он стоял в пыльной комнате, держа в руках фотографию, и по его щекам текли слёзы. Он не мог остановить их, потому что боль Кирилла стала его болью.

– Он потерял её, – сказал он, голос его дрожал. – Она умерла, и он решил, что сможет воскресить её, собирая души других женщин. Он думает, что если он соберёт достаточно, он сможет вернуть её.

Белов подошёл и положил руку ему на плечо.

– Это не оправдывает его, Виктор.

– Я знаю, – ответил он, вытирая лицо рукавом. – Но это объясняет, почему он делает это. Он одержим, он потерял рассудок, но он не монстр. Он человек, который сломался.

Он спрятал фотографию в карман и вышел из квартиры, чувствуя, как тяжесть нового знания давит на него. В машине он молчал, глядя в запотевшее стекло, и пытался собрать воедино все куски пазла.

Они вернулись в участок, и Виктор сел за стол Белова, чтобы записать всё, что он видел. Он записал имя Алины, описал её внешность, дату смерти – она умерла от лейкемии, внезапно, за несколько дней. Кирилл был рядом с ней, и он не смог ничего сделать. Эта беспомощность, это чувство вины, эта ярость на мир, который забрал у него единственное, что он любил, – всё это превратилось в ритуал.

– Он превратил свою боль в ритуал, – сказал Виктор, закрывая блокнот. – Он убивает женщин, которые похожи на неё, чтобы собрать их души и создать из них «идеал». Он верит, что когда он соберёт достаточно, Алина вернётся.

Белов покачал головой.

– Это безумие.

– Да, – согласился Виктор. – Но для него это логично. Он пытается воскресить её через других.

Он взял фотографию и посмотрел на улыбающуюся Алину. В её глазах был свет, который он не видел ни у одной из жертв, – может быть, именно этот свет он и искал, и не мог найти, потому что он был только у той, единственной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.